

—

Автобус плавно ехал вперед, Цю Жуйфэн, все еще наслаждаясь нежным молочным вкусом, почувствовал, что ему не хватило. Повернувшись, он увидел Лу Синцзя, сладко спящего, положив голову на плечо Цинь Мудуна.

Лу Синцзя беспокойно спал, постоянно двигаясь и издавая стоны. Цинь Мудун просто схватил его за запястье и прижал к своей груди.

Осеннее солнце все еще было палящим, пробиваясь сквозь густые ряды тополей по обеим сторонам дороги, и отбрасывало чередующиеся светлые и темные тени на сиденья.

В этой игре света и тени Цинь Мудун слегка опустил глаза, и в его черных зрачках отражалась лишь одна фигура.

Нежность.

Это слово мгновенно пришло на ум Цю Жуйфэну, но он совершенно не мог связать его с Цинь Мудуном.

Они сидели очень близко, друг за другом, и Цю Жуйфэн неизбежно приходилось общаться с Цинь Мудуном. Но он всегда чувствовал, что Цинь Мудун отличается от других.

Нельзя сказать, что он был замкнутым: когда ты с ним о чем-то говорил, он отвечал, а когда его спрашивали о задаче, он объяснял ее четко и ясно. Но на этом все ограничивалось. Он словно считал всех остальных невидимыми, и сам становился невидимым, словно превращаясь в эфемерную душу, готовую в любой момент беспрепятственно покинуть этот мир.

Но теперь Цю Жуйфэн отчетливо видел тонкий золотой ореол вокруг Цинь Мудуна.

Невидимая душа обрела плоть.

Взгляд Цю Жуйфэна был пристальным и бесстыдным. Цинь Мудун равнодушно взглянул в его сторону и еще крепче прижал Лу Синцзя к себе.

Лу Синцзя сонно пошевелился, пытаясь открыть глаза, но веки все равно слипались: «М-м-м... Мы приехали?»

«Еще нет, поспи еще немного».

Голос Цинь Мудуна был нежным, почти шепот.

Лу Синцзя полностью доверял ему, повернул голову к нему на грудь и продолжил крепко спать.

Цинь Мудун расправил его мятую одежду и снова равнодушно посмотрел на Цю Жуйфэна.

Цю Жуйфэн не мог понять, что происходит, ему показалось, что взгляд Цинь Мудуна был провокационным.

Но он быстро сообразил: Цинь Мудун хвастался, хвастался своими хорошими отношениями с Лу Синцзя.

Цю Жуйфэн почему-то поперхнулся. Хотя он не понимал, чем тут можно хвастаться, но его врожденная неуступчивость тут же взяла верх.

Хорошие отношения — это круто?

Разве у кого-то нет хороших отношений?

Он повернулся к Цзи Янжаню и прямо спросил: «Ты устал?»

Цзи Янжань слушал музыку; в то время MP3-плееры были в моде, и в маленьком плеере, который он держал в руке, было полно песен разных жанров.

Он не расслышал, что сказал Цю Жуйфэн, и, подняв тонкую белую руку, снял наушники, одновременно поправляя свои чуть длинноватые волосы.

С их стороны была тень, и свет в автобусе был не таким ярким, как снаружи, он мерцал, был тусклым и размытым.

Цзи Янжань был очень худым и бледным, и это небрежное движение напомнило Цю Жуйфэну те тайные и непонятные фильмы, которые он смотрел в полутемном классе. Сердце Цю Жуйфэна неконтролируемо забилось быстрее.

«Что случилось?» — спросил Цзи Янжань.

«Ничего!» — неосознанно ответил Цю Жуйфэн, а через мгновение вдруг что-то вспомнил.

Он почесал голову, и в его обычной развязной улыбке необъяснимо появилась какая-то неловкость: «Просто хотел спросить, ты устал?»

Цзи Янжань моргнул и вежливо улыбнулся: «Спасибо, не устал».

Он был очень послушным, с двумя ямочками на щеках, и когда он улыбался, Цю Жуйфэн всегда чувствовал сухость во рту.

Мозг Цю Жуйфэна затуманился, и язык его не слушался: «П-правда, не устал?»

Цзи Янжань широко распахнул глаза и кивнул: «Да».

«Но мне кажется, ты устал!»

Цзи Янжань: «...?»

Как только слова сорвались с губ, Цю Жуйфэн хлопнул себя по лбу, сообразив.

Поспешно начал бессвязно объяснять: «Я не это имел в виду, я просто думаю... думаю...»

Как бы он ни умел болтать без умолку, сейчас он вдруг застрял.

«...Думаю, что ехать в автобусе довольно утомительно!»

После долгой паузы 'поезд наконец снова тронулся', предлог был придуман, остальные причины было легко объяснить.

Цю Жуйфэн серьезно нес чушь: «Подумай сам, после церемонии открытия лагеря мы сразу же начнем занятия, совсем не будет времени на отдых. Тебе стоит поспать побольше в дороге сейчас, набраться сил, чтобы потом было настроение решать задачи!»

Цзи Янжань немного подумал и даже нашел в его словах некоторый смысл.

«Ты прав». Он серьезно кивнул, выключил МРЗ и действительно закрыл глаза, пытаясь уснуть.

Цю Жуйфэн почему-то почувствовал себя немного виноватым, поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и невольно покраснел, восхищаясь:

Цзи Янжань чертовски красив, ресницы такие длинные, кожа такая белая.

Мать Цю Жуйфэна встретила Лу Синцзя однажды, и после этого она каждый день твердила Цю Жуйфэну, какой Лу Синцзя послушный и милый.

А теперь Цю Жуйфэн думал только об одном: Лу Синцзя — это ничто по сравнению с Цзи Янжанем, который действительно послушный и легко поддается уговорам.

—

Автобус покачиваясь, наконец, прибыл на место назначения. Студенты в автобусе спали в самых разных позах.

Чжан Чучу будил их по одному, чтобы они выстроились в очередь и вышли из автобуса для церемонии открытия тренировочного лагеря.

Лу Синцзя еще не выспался, его клонило в сон, и после того, как он вышел из автобуса в полудреме, вся его голова была мутной.

Им предстояло еще выдержать долгую и скучную церемонию открытия. Все студенты стояли на спортивной площадке, слушая воодушевляющую речь учителя. Лу Синцзя изо всех сил старался взбодриться, но его веки все равно неудержимо слипались.

Перед глазами промелькнуло что-то: Цинь Мудун, стоявший позади Лу Синцзя, отступил в сторону и встал перед ним.

«Спи», — раздался спереди голос мальчика, смешанный с осенним ветром, легкий и невесомый, но отчетливо донесшийся до ушей Лу Синцзя.

На огромной спортивной площадке голос учителя через микрофон эхом разносился по каждому уголку.

В одном из уголков один подросток держал другого за одежду и крепко спал, спрятавшись за ним.

Цю Жуйфэн стоял рядом, посмотрел на Лу Синцзя, который мог спать стоя, а затем на Цзи Янжана, который внимательно слушал и даже делал записи в своей тетрадке. Спустя некоторое время он глубоко вздохнул.

Дело не в том, что он проиграл Цинь Мудуну, просто Лу Синцзя слишком сильно любил спать!

Долгая церемония открытия наконец закончилась. Услышав шум вокруг, Лу Синцзя потянулся, выспавшись.

Открыв глаза, он увидел рядом Цю Жуйфэна с таким выражением лица, которое почти кричало: «Ты что, свинья?».

«Что случилось?» — недоуменно спросил Лу Синцзя.

Цю Жуйфэн открыл рот, но в конце концов сказал: «...Ничего».

Лу Синцзя моргнул, полный вопросов, и хотел что-то еще сказать, но Цинь Мудун, стоявший рядом, с одной рукой в кармане, равнодушно произнес: «Пора обедать».

«Так быстро?» Лу Синцзя опешил, его только что проснувшиеся глаза все еще были влажными, а затем он вдруг что-то вспомнил и взволнованно сказал Цинь Мудуну: «Тогда пойдем вместе!»

Он был похож на щенка виляющего хвостиком.

Даже в школе они редко ели вместе; Цинь Мудун уходил очень рано, часто исчезая без следа, прежде чем Лу Синцзя успевал что-либо сказать. Теперь, когда наконец появилась такая возможность, Лу Синцзя был полон предвкушения.

«Хорошо». На этот раз Цинь Мудун согласился охотно, слегка изогнув уголки губ, и, как бы между прочим, взглянул на Цю Жуйфэна.

Цю Жуйфэн внезапно почувствовал себя немного не по себе. Почему ему казалось, что Цинь Мудун испытывает к нему такую сильную враждебность?

...Наверное, это иллюзия, — Цю Жуйфэн покачал головой, подавляя странные мысли.

У них не было никаких обид, и они оба были друзьями Лу Синцзя, так что не было никаких причин для враждебности Цинь Мудуна к нему.

—

После обеда начались напряженные занятия.

Время тренировок было ограничено, а задачи сложны. Учитель говорил без умолку, как пулеметная очередь, а сложность задач возросла на несколько ступеней. Несмотря на привычку к скорости речи Чжан Чучу, Лу Синцзя все равно было немного трудно.

Безумство тренировок этим не ограничивалось: каждый день после уроков три вечерних самостоятельных занятия становились отличным временем для экзаменов.

Один пробный тест в день стал незыблемым развлечением в тренировочном лагере.

После трех дней адских тренировок у Лу Синцзя появились круги под глазами, и он уже

немного шатался при ходьбе.

Согласно расписанию, после обеда был часовой перерыв на сон, но на этом этапе во всем классе почти никто не спал днем.

Все бежали в столовую, чтобы поесть, а как только стулья успевали остыть, они тут же возвращались на свои места и самоотверженно погружались в море задач.

Места здесь распределял учитель, и Лу Синцзя с Цинь Мудуном сидели отдельно.

Хотя Лу Синцзя был разочарован, ничего поделать он не мог. После уроков он, потирая урчащий живот, следовал за толпой, чтобы пойти обедать.

Только он встал, как перед ним вдруг появилась «стена»: высокий парень с длинными ногами преградил ему путь.

Это был Цинь Мудун.

Глаза Лу Синцзя тут же загорелись: «Хочешь пойти пообедать вместе?»

«Я еще не очень голоден», — сказал Цинь Мудун.

Лу Синцзя скривил губы, сказал «о» и его веки неосознанно опустились.

Они не разговаривали несколько дней. Неужели Цинь Мудун совсем по нему не скучал?

Если он не хочет идти вместе, он пойдет один.

Лу Синцзя только сделал шаг, как Цинь Мудун вдруг заговорил: «Может, пойдем вместе позже?»

Цинь Мудун равнодушно сказал: «Сейчас много народу, я хочу пойти попозже».

Конечно, можно!

Пока он будет с ним, в любое время.

Настроение Лу Синцзя снова изменилось с пасмурного на солнечное, и он, изогнув глаза, сказал: «Хорошо!»

Класс быстро опустел, Цинь Мудун вернулся на свое место, взял сборник задач и сел рядом с Лу Синцзя.

Их не распределили в одну комнату общежития, и они не были соседями по парте. По подсчетам, они не были так близко уже три дня.

Как говорится, день разлуки — как три осени. Лу Синцзя по пальцам посчитал, что они не были так близко уже десять лет.

Неудивительно, что он так скучал.

Даже когда Цинь Мудун просто сидел рядом, он чувствовал, будто у него в груди сидит кролик, который бешено колотится.

Он собрался с духом, ткнул ручкой в руку Цинь Мудуна, подвинул к нему тетрадь с заданиями, чтобы спросить о нескольких непонятных задачах, а Цинь Мудун совершенно естественно взял ручку, как будто они все еще сидели за одной партой.

Осенний ветер был холодным и пронзительным, он обдувал фигуры двух мальчиков в классе. Цинь Мудун, чьи костяшки пальцев были четко видны, держал ручку и оставлял на тетради Лу Синцзя размашистые, летящие записи.

Голос Цинь Мудуна был чистым, фразы логичными, и, произнеся последнее слово, он по привычке поставил на бумаге красивую и уверенную точку.

Он поднял голову, чтобы спросить Лу Синцзя, понял ли тот, и вдруг осознал, что расстояние между ними настолько мало, что их головы почти соприкасались.

Лу Синцзя, словно что-то почувствовав, поднял голову, и их взгляды встретились.

Время словно замедлилось, и вокруг них тихо распространилась чарующая атмосфера, бесшумно, как летящий весенний тополиный пух, но при этом всеобъемлюще.

Сердце Лу Синцзя напоминало весенний горячий источник, в нем булькали маленькие пузырьки, которые затем кипели и лопались.

Цинь Мудун... неужели он тоже немного любит его?

После нескольких секунд молчаливого обмена взглядами Лу Синцзя не выдержал и отвернулся, тихо пробормотав: «Почему ты на меня смотришь...»

«Я не смотрел на тебя».

Цинь Мудун опустил взгляд, его тон был равнодушным.

Лу Синцзя тихонько сказал «о», свет в его глазах потускнел.

Это, наверное, одна из трех великих иллюзий жизни.

Иллюзия, что кто-то зовет меня по имени.

Иллюзия, что он смотрит на меня.

Иллюзия, что он любит меня.

Потому что я слишком сильно его люблю.

Лу Синцзя уныло опустил веки и поэтому не заметил, как в глазах Цинь Мудуна мелькнуло смятение.

Атмосфера казалась немного неловкой, Лу Синцзя хотел что-то сказать, чтобы сменить тему, как вдруг в коридоре раздались быстрые шаги.

Первая группа обедающих уже вернулась, и класс быстро наполнился шумом.

Лу Синцзя нашел тему для разговора и неловко спросил: «Хо...хочешь пойти пообедать?»

Цинь Мудун тихо промычал «м-м», и они, собрав вещи, вместе вышли из класса.

Осенние цикады все еще отчаянно стрекотали на деревьях.

Они шли рядом, но никто не осмеливался взглянуть на другого.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282454>